
Grizvolt
Дом, который помнит кровь

Grizvolt

Дом, который помнит кровь

«Автор»
2026

Grizvolt

Дом, который помнит кровь / Grizvolt — «Автор», 2026

Начало приключений Марты Ланских в мире магии, тайн и интриг. Первая книга в цикле "Электрические сны".

© Grizvolt, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Приказ о добровольном согласии 6
Глава вторая. Княжеский дворец и прочие формы наказания 11
Глава третья. Сорок ночей 18
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Grizvolt
Дом, который помнит кровь

Глава первая. Приказ о добровольном согласии

В день, когда мне приказали добровольно пожертвовать собой, я как раз пыталась добиться от управы компенсации за отопление.

Это оказалось символично.

В Вельдре всё важное делалось добровольно. Добровольно служили князю, добровольно отдавали детей в военные школы, добровольно уступали жильё чиновникам, добровольно соглашались с тем, что прошлой зимой было холодно по причине исключительно природного характера.

И, конечно, добровольно входили в Дом Памяти.

— Вы не понимаете, госпожа Ланская, — повторял чиновник за стеклом. — Возврат части сбора не предусмотрен правилами.

— У меня в спальне промёрзла стена.

— Это не основание.

— Вода в ведре покрылась льдом.

— Ведро не является официальным измерительным прибором.

— Я провела ночь в кухонной печи.

Чиновник поднял на меня глаза.

— В печи?

— Не в огне. Вокруг. Я не настолько отчаялась, чтобы залезать внутрь.

Он записал что-то в регистрационную книгу.

— Ваше заявление принято.

— Вы только что сказали, что оно не предусмотрено правилами.

— Принятое заявление не означает, что оно подлежит рассмотрению.

— А рассмотренное заявление означает, что мне что-нибудь вернут?

— Рассмотренное заявление означает, что оно рассмотрено.

Я смотрела на его спокойное лицо и думала, что в прежней жизни, если бы я не умела входить в чужие воспоминания, то, вероятно, стала бы убийцей чиновников.

К счастью для общества, я умела только вытаскивать из памяти то, что люди предпочитали забыть.

И иногда заставлять их говорить правду.

— Вы понимаете, что это называется издевательством? — спросила я.

— Нет, госпожа Ланская. Издевательство — это если бы мы не приняли заявление.

За моей спиной кто-то тихо хихикнул.

Я обернулась и увидела молодого мужчину в форменной белой мантии. Он стоял у окна, грея руки над маленькой жаровней. На пальцах — перстни, на сапогах — ни одной снежной царапины. Значит, прибыл на санях, а не пешком, как все нормальные люди.

— Что смешного? — спросила я.

— Ничего, — ответил он. — Просто восхищаюсь точностью формулировок.

— Тогда восхищайтесь молча.

— Стараюсь. Получается не всегда.

Чиновник за стеклом поднялся.

В его лице впервые появилось что-то похожее на тревогу.

— Госпожа Ланская, вам следует пройти в приёмную княжеской канцелярии.

— Я ещё не закончила.

— Напротив. Ваше обращение закрыто.

— Я не подписывала отказ.

— Он подписан за вас.

— Кем?

Чиновник не ответил.

Молодой мужчина у окна перестал улыбаться.

В дальнем конце зала открылись высокие двери. Вошли двое стражников в серебряных плащах. Их одежда была слишком дорогой для обычной городской охраны: мех на воротниках, ледяные пряжки, сапоги с защитными рунами.

Один из них держал свёрнутый пергамент.

Я сразу поняла, что дело плохо.

Когда люди приходят с документами, которые несут обеими руками, это никогда не означает ничего приятного.

— Марта Ланская? — спросил стражник.

— Зависит от того, кто спрашивает.

— Княжеская канцелярия.

— Тогда нет.

Стражник не улыбнулся.

— Ваше присутствие требуется во дворце.

— Я занята.

— Вижу.

Он развернул пергамент.

Печать князя блеснула на воске чёрным льдом. Такая печать не просто подтверждала приказ. Она запрещала оспаривать его в течение трёх дней.

Три дня — срок, за который можно было либо смириться, либо умереть, пытаясь доказать, что тебя неправильно поняли.

— На каком основании? — спросила я.

— На основании распоряжения о назначении нового хранителя Дома Памяти.

В зале стало тихо.

Даже чиновник за стеклом перестал делать вид, что занят бумагами.

Я почувствовала, как холод пробрался под ворот платья.

— Вы ошиблись адресом.

— Нет.

— В Вельдре достаточно грамотных людей, которые способны читать чужие воспоминания.

— Достаточно, — сказал стражник. — Но подходите вы.

— Чем именно?

Он развернул вторую страницу.

— Род Ланских имеет право представить кандидата.

— Мой род давно не имеет никаких прав.

— Имеет. Ваш отец подписал соглашение о наследственном служении.

— Мой отец подписывал много чего. Например, завещание, согласно которому я должна была выйти замуж за аптекаря из Нижнего квартала.

— Разве не вышли?

— Аптекарь сбежал с моей двоюродной сестрой.

— Значит, соглашение не исполнено.

— Благодарю за юридическую оценку.

Стражник скользнул глазами по тексту.

— Вы назначены хранителем Дома Памяти сроком на сорок ночей.

У меня пересохло во рту.

Дом Памяти стоял в северной части дворца, за тремя рядами стен. Его построили из костей первых князей и чёрного камня, который добывали только в замёрзших шахтах за Полярным хребтом.

Туда входили добровольно.

От туда не возвращались.

Иногда спустя годы из Дома присылали письмо. Обычно короткое:

Служба продолжается. Состояние удовлетворительное.

Ни подписи, ни даты.

Моя мать получила такое письмо за месяц до смерти.

Она тогда уже не могла говорить. Лежала у окна, укрытая тремя одеялами, и смотрела на снег.

Я прочитала письмо вслух.

Она засмеялась.

Не громко. Так, как смеются люди, которым больно даже дышать.

— Откажусь, — сказала я.

Стражник кивнул, будто ждал именно этого.

— В таком случае ваш брат будет признан соучастником измены.

Слова повисли между нами.

Я посмотрела на пергамент.

— Какой измены?

— Ваш брат подозревается в передаче сведений северным мятежникам.

— Моему брату шестнадцать.

— В шестнадцать лет человек уже может быть казнён.

— Он даже не умеет врать.

— Это не мешает ему предавать.

— Он боится гусей.

— Что?

— Мой брат. Он боится гусей. Однажды залез на крышу сарая, потому что соседская птица посмотрела на него слишком выразительно. И вы хотите убедить меня, что он передаёт военные сведения мятежникам?

Стражник не ответил.

Второй, до этого молчавший, сказал:

— Вопрос не в том, способен ли он на измену. Вопрос в том, кому выгодно, чтобы он оказался виноват.

Я перевела взгляд на него.

На его лице не было маски, но выражение оставалось закрытым.

— А вам кто выгоден?

— Я не задаю таких вопросов.

— Удобно.

— Очень.

Молодой мужчина у окна хмыкнул.

Стражник посмотрел на него.

— Господин Ратобор.

— Я здесь ни при чём.

— Вы сопровождаете госпожу Ланскую.

— Я сопровождаю вас, чтобы вы не потеряли её по дороге.

— Я никуда с вами не поеду.

— Тогда мы доставим вас силой, — сказал первый стражник.

Я огляделась.

В зале было около тридцати человек. Все внезапно нашли что-то важное на полу, в рукавах или за собственными спинами.

Никто не вмешается.

Не потому, что они были жестокими. Просто каждый понимал: следующий приказ может прийти уже за ним.

Вот так в Вельдре и работала власть. Не нужно было ставить солдат у каждой двери. Достаточно было однажды показать, что дверь может открыться в любой момент.

Я взяла пергамент.

Воск обжёг пальцы.

Слова на странице начали двигаться.

Не буквально — просто буквы стали глубже, чернила потемнели, а между строк проступили следы настоящего смысла.

Магия памяти отзывалась на ложь.

Я провела пальцами по краю листа и впустила в себя чужое воспоминание.

Секунда.

Кабинет княжеской канцелярии.

Запах хвои и горелого масла.

Тот же пергамент лежит на столе перед сухощавой женщиной с седыми волосами. Рядом — мужчина в синем мундире.

— Она согласится? — спрашивает мужчина.

— Нет, — отвечает женщина.

— Тогда зачем отправлять приказ?

— Потому что отказ нужен нам больше согласия.

Воспоминание оборвалось.

Я резко отдёрнула руку.

— Вы не собирались оставлять в живых моего брата, даже если я приму назначение.

Стражник не шевельнулся.

Молодой мужчина у окна посмотрел на меня внимательнее.

— Не знаю, о чём вы.

— Не врите мне.

— Я не вру.

— Вы думали об этой женщине. Седые волосы, шрам у подбородка.

Он отвёл взгляд.

— Это могла быть половина княжеской канцелярии.

— Вторая половина носит парики.

Стражник протянул руку.

— Вы приняли приказ?

Я сжала пергамент.

Где-то в городе, в каменном доме на окраине, мой брат наверняка сидел у окна и ждал меня. Делал вид, что не боится. Наверняка пытался починить старую печь, хотя она давно развалилась.

И наверняка верил, что я вернусь.

Я не могла обещать ему это.

Но могла сделать так, чтобы у него появился ещё один день.

— Я принимаю назначение, — сказала я.

Печать на пергаменте раскололась.

В этот момент мне показалось, что где-то далеко, в северной части дворца, проснулся огромный зверь.

И впервые за много лет Дом Памяти произнёс моё имя.

Не вслух.
Внутри моей головы.

Глава вторая. Княжеский дворец и прочие формы наказания

Княжеский дворец оказался именно таким, каким я его представляла: большим, холодным и построенным людьми, которые никогда не мыли полы самостоятельно.

Лестницы уходили вверх на пять этажей. На стенах висели портреты князей. Каждый смотрел на посетителей с выражением человека, которому только что доложили о твоём существовании и это его разочаровало.

Между портретами стояли чаши с голубым огнём. Они не давали тепла, зато красиво подчёркивали, насколько мы все замёрзли.

— Здесь всегда так холодно? — спросила я.

Кай Ратобор шёл рядом, не отставая ни на шаг.

При дневном свете он выглядел старше, чем в управе. Лет тридцать, может, чуть больше. Высокий, с широкими плечами, тёмными волосами и лицом, которое природа явно создавала с особенным старанием, а потом испортила тонким шрамом от виска до скулы.

Шрам не уродовал его.

К сожалению.

— Это дворец, — ответил он. — Здесь холодно только тем, кто не может себе позволить согревающие руны.

— А остальные?

— Остальные делают вид, что им холодно не бывает.

— Вы давно здесь служите?

— Достаточно.

— Это не ответ.

— Это всё что я могу ответить.

— Вы всегда так отвечаете на вопросы?

— Только когда меня спрашивают.

Я остановилась посреди лестницы.

— Кто вы?

— Кай Ратобор.

— Я уже знаю ваше имя.

— Тогда вы получили больше информации, чем большинство людей при первой встрече.

— Вы телохранитель?

— Иногда.

— Иногда?

— Когда есть кого защищать.

— А сейчас?

Кай посмотрел на двух стражников впереди.

— Сейчас я слежу, чтобы вы не сбежали.

— Значит, телохранитель.

— Для вас — конвоир.

— Это должно было прозвучать утешительно?

— Я не старался.

— Заметно.

Кай улыбнулся.

У него была нехорошая улыбка. Не потому, что делала его добрее, а потому, что сразу становилось ясно: этот человек привык получать желаемое и не считал нужным извиняться за последствия.

Я отвернулась.

Магия памяти снова неприятно кольнула в висках.

Кай заметил.

— Вы видите мои воспоминания?

— Иногда.

— Сейчас?

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

— Хотел бы посмотреть, какое впечатление произвожу.

— Вы не настолько интересны.

— Врёте.

Он говорил легко, почти лениво. Но взгляд у него оставался внимательным. Кай замечал всё: как я сжимаю пальцы, когда нервничаю, как задерживаю дыхание рядом с охраной, куда ставлю ногу на скользком камне.

Он был опасен не из-за меча.

Опасными бывают люди, которые умеют ждать.

Нас привели в малую залу совета. Здесь было теплее. Наверное, потому что под полом горел настоящий огонь, а не декоративная магия для бедных.

У окна стояла женщина, которую я видела в чужом воспоминании.

Седые волосы были собраны в гладкий узел. Шрам у подбородка действительно оказался на месте.

На ней было простое серое платье без украшений, но каждый в зале при её появлении замолчал.

— Марта Ланская, — сказала она.

— Госпожа канцлер.

— Вы меня знаете?

— Вы достаточно известны, чтобы вас знали все, кто не живёт в подвале.

— Это не всегда преимущество.

— Ваша должность — доказательство обратного.

Её губы дрогнули, но улыбкой это не стало.

— Я Эльвира Вейр, первый канцлер князя. Вы уже приняли назначение?

— Под угрозой казни брата.

— Ваш брат находится под следствием.

— Обычно люди называют это угрозой казни, когда речь идёт о казни.

— Вы всегда столь прямолинейны?

— Только когда меня пытаются отправить в место, из которого никто не возвращается.

Канцлер указала на кресло.

Я не села.

— Садитесь.

— Я предпочитаю стоять.

— Это не переговоры.

— Тогда тем более.

В углу комнаты Кай тихо кашлянул, скрывая смех.

Канцлер бросила на него взгляд.

— Ратобор.

— Я ничего не сказал.

— Именно это меня и беспокоит.

Она вернулась ко мне.

— Дом Памяти не является тюрьмой.

— Тогда почему прежние хранители не возвращались?

— Их служба требовала полного посвящения.

— Как удобно.

— Вы полагаете, что государство должно позволять каждому работнику бросать должность, когда ему становится тяжело?

— Я полагаю, что работнику стоит сообщать условия до того, как он подпишет договор.

— Вы получили условия.

— Внизу было написано «сорок ночей». Ниже не уточнялось: «сорок ночей без права выйти, увидеть семью, сохранить разум и умереть естественным образом».

— Вы драматизируете.

— Я ещё даже не начала.

На этот раз Кай действительно рассмеялся.

Звук оказался низким и коротким. Он сразу смолк, когда канцлер повернула голову.

— Вам весело, господин Ратобор?

— Нет, госпожа канцлер.

— Вы выглядите весёлым.

— Это врождённое. Я ничего не могу с этим сделать.

— Вы сопровождаете госпожу Ланскую в Дом.

Я резко повернулась к нему.

— Он?

— Он.

— Почему?

— Потому что он уже знаком с Домом.

Я посмотрела на Кая.

— В качестве кого?

— Знакомого.

— Вы знакомы с Домом?

— Мы встречались.

— И выжили?

— Пока.

— Все здесь отвечают так, будто у них за каждую нормальную фразу берут налог.

— В княжестве есть налог на правду, — сказал Кай. — Его собирают заранее.

Канцлер положила передо мной тонкую папку.

— Здесь условия службы.

— Я уже подписала приказ.

— Это приложение.

— Конечно.

Я открыла папку.

Внутри лежали листы с мелким текстом. Слишком мелким даже для человека, который не собирался его читать. Я провела пальцами по странице, и память бумаги раскрылась.

Сотни подписей.

Некоторые были сделаны кровью.

Некоторые — золой.

На последнем листе я увидела имя предыдущей хранительницы.

Лида Ланская.

Моя мать.

Подпись была сделана за сорок лет до моего рождения.

Я подняла глаза.

— Это подделка.

Канцлер не моргнула.

— Почему вы так решили?

— Моей матери было двадцать три года. Она ещё не умела писать официальным почерком.

— Она научилась.

— Она умерла, когда мне было двадцать.

— Соболезную.

— Не стоит. Вы слишком плохо это делаете.

Канцлер впервые показала эмоцию.

Небольшую, но настоящую.

— Ваша мать служила Дому.

— Нет.

— Сорок ночей.

— Нет.

— Она вернулась.

Я почувствовала, как воздух стал плотнее.

— Что?

Канцлер перелистнула бумаги.

— После завершения службы ваша мать покинула дворец. Она вышла замуж, родила дочь, затем сына. Её дальнейшая жизнь не представляет государственного интереса.

— Вы хотите сказать, что она была хранительницей и просто вернулась домой?

— Именно.

— Тогда почему никто не знает об этом?

— Потому что она подписала соглашение о неразглашении.

Я взяла лист.

Слова расплылись.

Мать никогда не говорила о дворце. Даже когда болела. Даже когда я спрашивала, почему у неё на спине шрам в форме короны.

Она говорила, что упала с лестницы.

Моя мать была плохой лгуньёй.

Или очень хорошей.

— Что произошло после её службы? — спросила я.

— Она отказалась от дальнейшего сотрудничества.

— И вы оставили её в покое?

— В основном.

Я медленно подняла голову.

— В основном?

— Иногда Дом посылал за ней.

— Зачем?

Канцлер молчала.

В памяти бумаги зашевелилась последняя строка.

Я увидела её не глазами, а той частью разума, которая всегда сожалела о своей способности.

Носительница родовой линии сохранила ключ. Ребёнок женского пола унаследовал доступ. Сына использовать как рычаг при необходимости.

Мой желудок сжался.

— Вы выбрали моего брата не потому, что он виновен...

— Я ничего не выбирала.

— Вы нашли его и предлог для этих "переговоров".

— И ничего не искала.

В комнате стало очень тихо.

Я закрыла папку.

— Если я пройду сорок ночей, его отпустят?

— Если расследование не подтвердит его вину.

— А если подтвердит?

— Тогда закон потребует суда.

— И приговора.

— Возможно.

— Какой у вас удобный язык. Всё страшное вы прячете в словах вроде «возможно» и «процедура».

Канцлер устало посмотрела на меня.

— Вы полагаете, что я наслаждаюсь этим?

— Я полагаю, что вы очень давно научились жить с тем, что делаете.

— И вы считаете, что это делает меня чудовищем?

— Нет. Чудовища обычно честнее.

Кай перестал улыбаться.

Канцлер долго смотрела на меня, затем сказала:

— Вы похожи на мать.

— Мне часто это говорили.

— Она тоже была уверена, что достаточно громко задавать вопросы — и мир начнёт отвечать.

— Он ответил?

— Да.

— И что сказал?

— Что ему всё равно.

За окнами завыл ветер.

Снег ударил в стекло, но не растаял. Каждая снежинка прилипала к окну маленьким белым глазом.

Канцлер встала.

— Вы войдёте в Дом сегодня после заката.

— У меня есть время попрощаться с братом?

— Нет.

— Передать письмо?

— Нет.

— Увидеть комнату, в которой я буду жить?

— Она внутри Дома.

— Тогда хотя бы поесть.

Канцлер посмотрела на меня почти с уважением.

— Это можно устроить.

— И я хочу, чтобы моего брата перевели из камеры в тёплое помещение.

— Он не в камере.

Я замерла.

— Где он?

Канцлер отвернулась к окну.

— В доме Ланских.

— Вы сказали, что он под следствием.

— Следствие началось утром.

— А сейчас?

— Сейчас он числится пропавшим.

Кай выругался.

Тихо, но очень искренне.

Я посмотрела на него.

— Что?

— Ничего.

— Нет, скажите.

— Я пытаюсь понять, как именно вы собираетесь сохранить спокойствие.

— А я пытаюсь понять, почему вы ещё не объяснили, что происходит.

Кай подошёл ближе.

Слишком близко.

От него пахло морозом, кожей и чем-то горьким — то ли табаком, то ли полынью. В его глазах отражался голубой огонь чаши.

— Потому что, госпожа Ланская, если ваш брат пропал до того, как вы вошли в Дом, значит, его уже использовали.

— Для чего?

— Чтобы вы точно не передумали.

— А вы?

— Что я?

— Вас тоже используют?

Кай наклонился так, чтобы слышала только я.

— Меня использовали давно.

От его голоса по коже прошёл холод, совсем не похожий на тот, что проникал из окон.

Я заставила себя не отступить.

— И вы привыкли?

— Нет.

— Тогда почему терпите?

Он посмотрел на мои губы.

Всего на мгновение.

Но я заметила.

И он понял, что заметила.

— Потому что иногда, — сказал Кай, — чтобы выйти из ловушки, нужно сначала позволить ей захлопнуться.

Он отстранился.

У меня осталось неприятное ощущение, будто он успел прикоснуться, хотя между нами не было даже пальца расстояния.

Канцлер открыла дверь.

— Ратобор, проводите госпожу Ланскую к ужину.

— А потом?

— Потом — в Дом.

Я посмотрела на горящие чаши, на окна, на папку с подписью моей матери.

— Хорошо.

— Вы согласны?

— Нет, — ответила я. — Но я и раньше делала то, с чем не была согласна.

Кай открыл передо мной дверь.

— Добро пожаловать в княжескую жизнь.

— Я думала, она будет роскошнее.

— Роскошь здесь есть.

— Где?

Он посмотрел на меня с ленивой насмешкой.

— Обычно её выдают вместе с жалованьем. Но жалованье задерживают уже третий год.

Несмотря на всё произошедшее, я искренне посмеялась.

И это было ошибкой.

Потому что Кай тоже улыбнулся.

А человек, который заставляет тебя смеяться в день, когда исчезает твой брат, опаснее любого врага.

Глава третья. Сорок ночей

Ужин состоял из трёх блюд, двух видов хлеба и одного очень самоуверенного гуся.

Гуся подали на серебряном блюде, окружённого яблоками в медовой глазури. Он выглядел так, словно был лично оскорблён решением кухни и собирался подать жалобу.

— Вы не едите? — спросил Кай.

Мы сидели в маленькой столовой для придворных служащих. Вокруг шумели люди в форме, шёлке и выражениях лица, которые сообщали: они слишком заняты, чтобы замечать окружающих.

— Думаю.

— О чём?

— О том, почему птица смотрит на меня так, будто знает, что я сделала.

— Вероятно, знает.

— Вы умеете успокаивать.

— Я стараюсь.

— Не надо.

Кай налил себе тёмного вина.

Я заметила, что ему не подали ни кубка, ни тарелки. Он забрал их с соседнего стола, не спрашивая разрешения.

— Вы обычно здесь не едите? — спросила я.

— Ем.

— Вам не положено?

— Мне положено всё, что я могу взять, пока никто не решился отнять.

— Очень здоровая придворная культура.

— Зато честная.

Я взяла кусок хлеба. Опустила глаза и тихо спросила.

— Что случилось с моим братом?

— Я не знаю.

— Вы знаете больше, чем говорите.

— Возможно вы не верно формулируете вопрос.

— Тогда расскажите то, что знаете.

Кай покрутил кубок.

— Дом Памяти не любит случайных людей.

— Я уже поняла, что он не любит людей вообще.

— Он любит всех. В этом его беда.

— Вы сейчас защищаете дом, который собирается запереть меня внутри?

— Нет. Я объясняю его поведение.

— Разница небольшая.

— Для тех, кто хочет выжить, разница огромная.

Он откинулся на спинку стула.

— Дом существует около четырёхсот лет. За это время он научился распознавать людей лучше, чем люди распознают себя. Он чувствует ложь, страх, наследственные связи, незаконченные обещания.

— И память.

— В первую очередь память.

— Почему ему нужна я?

— Потому что в вашей семье уже был доступ к Дому.

— «Доступ» — это красивое слово для пожизненного заключения.

— Я не спорю.

— Тогда что именно делала моя мать?

Кай опустил глаза.

На этот раз он действительно не хотел отвечать.

Я почувствовала, как магия потянулась к его памяти. Она была рядом — не в бумаге, не в предмете, а прямо под его кожей. Глубокая, густая, как чёрная вода.

Я коснулась её.

Кай мгновенно перехватил мою руку.

Его пальцы сомкнулись на моём запястье.

Быстро. Сильно. Без боли, но так, что стало ясно: если бы он хотел, я бы уже не двигалась.

Вокруг нас продолжали разговаривать.

Никто не заметил.

— Не делайте этого, — сказал он.

Его голос стал тише.

— Чего?

— Не входите в мою память без разрешения.

— Вы не отвечаете на вопросы.

— Значит, вам придётся потерпеть.

— Я не привыкла терпеть.

— Это заметно.

Он всё ещё держал меня.

Большой палец лежал на внутренней стороне запястья, там, где бился пульс. Прикосновение было совершенно невинным.

И совершенно невыносимым.

Я посмотрела на его руку.

— Вы собираетесь отпустить?

— Если попросите.

— Я требую.

— Это не то же самое.

— Кай. Отпустите.

Он поднял глаза.

В его лице больше не было насмешки.

— Вот теперь лучше.

Он отпустил.

Кожа в месте прикосновения горела.

Я убрала руку под стол.

— Вы специально это делаете?

— Что именно?

— Говорите так, будто всё происходящее вас забавляет.

— Если я перестану шутить, начну кричать.

— Можно попробовать.

— В этом дворце люди плохо относятся к громким проявлениям эмоций.

— А к тихим?

— Их продают в бутылках.

Я хотела ответить, но в столовую вошла женщина в чёрном.

Она остановилась у двери и окинула помещение взглядом.

Люди один за другим замолчали.

Кай напрягся.

— Кто это? — прошептала я.

— Не смотрите прямо.

— Почему?

— Потому что она заметит.

— Она уже заметила.

Женщина направилась к нашему столу.

Ей было около пятидесяти. Волосы серебрились у висков, на шее висела тонкая цепочка с ключом. Не украшение — настоящий ключ, тёмный и старый.

— Госпожа Ланская, — сказала она.

— Да?

— Я Севра Норд, смотрительница Дома.

— Вы будете следить, чтобы я не сбежала?

— Нет. Я буду следить, чтобы Дом вас не съел.

— Утешает.

Севра села напротив.

Кай отодвинулся, но не ушёл.

— У вас есть вопросы?

— Много.

— Задайте самые полезные.

— Где мой брат?

Севра посмотрела на Кая.

— Он ещё не найден.

— Тогда найдите.

— Мы ищем.

— Плохо ищете.

— Возможно.

— Все здесь любят это слово.

— Оно спасает карьеру.

Я впервые увидела, как Кай сдерживает смешок по настоящему. Он не хотел злить эту женщину, в прочем, проявлять любые эмоции в ее присутствии.

Севра поставила на стол маленький флакон.

Внутри плескалась серебристая жидкость.

— Перед входом в Дом вы выпьете это.

— Что это?

— Настой для сохранения личности.

— А если не выпью?

— Дом будет считать вас открытой.

— Открытой для чего?

— Для всего.

Я не стала уточнять.

Севра продолжила:

— Внутри вы будете видеть воспоминания. Не все из них принадлежат людям. Некоторые принадлежат месту. Некоторые — тем, кто умер до основания княжества. Не пытайтесь спорить с ними.

— Я могу отличить чужую память от своей?

— В начале.

— А потом?

— Потом Дом начнёт смешивать их.

— И вы считаете это нормальным?

— Я считаю это неизбежным.

— Это не одно и то же.

— Нет, госпожа Ланская. Но люди часто выдают неизбежное за нормальное, чтобы меньше бояться.

Эта фраза зацепила сильнее, чем следовало.

Севра достала из кармана тонкий металлический обруч.

— Наденьте.

— Зачем?

— Он ограничит доступ Дома к вашим воспоминаниям.

— Вы сказали, что нужно сохранить личность.

— Нужно сохранить хотя бы её часть.

Я взяла обруч.

Металл был ледяным.

— Почему моя мать вернулась?

Севра долго молчала.

— Потому что Дом отпустил её.

— А других нет?

— Нет.

— Почему?

— Она заплатила.

— Чем?

Севра посмотрела на меня.

— Первым воспоминанием о вас.

Я не сразу поняла.

— Меня тогда ещё не было.

— Именно.

У меня перехватило дыхание.

— Что это значит?

— Ваша мать отдала Дому возможность помнить, что когда-нибудь станет вашей матерью.

Я сжала обруч.

— Поэтому она не говорила о Доме?

— Возможно.

— Поэтому она не любила смотреть на меня?

— Я не знаю.

— Она любила меня?

Севра не ответила.

Вот тогда я поняла, почему Дом был страшнее любой тюрьмы.

Тюрьма отнимала свободу.

Дом мог отнять смысл того, ради чего ты продолжал жить.

Я встала.

— Я готова.

Кай тоже поднялся.

— Рано.

— Что?

— Вам нужно оставить что-то здесь.

— Что именно?

— Лишнее.

— Я не ношу с собой лишнего.

— Все так думают перед входом.

Севра достала из-за пазухи нож.

На лезвии светились руны.

— Дом не пропускает вещи, связанные с сильной привязанностью. Они становятся якорями. Если вы войдёте с якорем, он потянет вас внутрь.

— У меня ничего такого нет.

— Подумайте.

Я проверила карманы.

Там были ключи, платок, несколько медных монет и сложенная записка.

Записку я достала последней.

Она была от брата.

Почерк неровный, буквы плясали.

Марта, не сердись. Я продал зимнее пальто. Куплю другое весной. Не ругайся, пожалуйста. Я знаю, что ты всё равно будешь.

Я перечитала её дважды.

Потом сложила обратно.

— Это останется со мной.

— Тогда Дом найдёт её.

— Пусть попробует.

Кай посмотрел на меня.

— Вы не понимаете, что такое Дом.

— А вы понимаете?

— Да.

— И всё ещё живы.

— Это временное преимущество.

Севра протянула руку.

— Письмо.

— Нет.

— Оставьте его.

— Нет.

— Вы хотите войти в Дом или устроить спор с правилами?

— Можно и то и другое.

Кай взял письмо у меня.

Я резко повернулась к нему.

— Верните.

— Я не отнимаю.

— Тогда что вы делаете?

Он протянул письмо обратно, но не сразу отпустил.

— Показываю, что любой якорь можно разделить.

— Это что-то вроде мудрости?

— Нет. Практический опыт.

Он достал из внутреннего кармана маленькую плоскую коробочку.

Открыл.

Внутри лежал детский деревянный конь с отломанным ухом.

— Что это?

— Якорь.

— Ваш?

— Был моим.

— А сейчас?

— Сейчас он принадлежит Дому.

Я не знала, что ответить.

Кай закрыл коробочку и положил её на стол.

— Оставьте письмо. Если Дом попробует забрать его, вы будете знать, где искать.

— А если он заберёт меня?

— Тогда я найду вас.

— Вы говорите так, будто это легко.

— Нет.

— А если не найдёте?

Кай посмотрел на меня слишком прямо.

— Тогда я буду искать дольше.

Севра отвела взгляд.

Я заметила.

И впервые подумала, что между ней и Каем было что-то, о чём мне не собирались рассказывать.

Я отдала письмо.

Севра убрала его в металлический ящик.

— Теперь настой.

Я выпила.

Жидкость была холодной и горькой. На секунду мне показалось, что я проглотила снег, собранный с могильной плиты.

Мир вокруг дрогнул.

Над головами людей проступили короткие надписи.

страх — 6/10

ложь — 8/10

усталость — 9/10

Над Каем ничего не было.

Только пустота.

Я моргнула.

— Что случилось? — спросил он.

— Я не вижу вашу память.

— Это хорошо.

— Нет. Это подозрительно.

— В моей жизни эти слова давно стали синонимами.

Севра поднялась.

— Пора.

Мы вышли из столовой и прошли по длинной галерее. За окнами уже темнело. Вельдра не имела настоящей ночи: солнце зимой не исчезало полностью, а просто превращалось в бледное пятно за облаками.

У северной стены дворца снег был голубым.

Он лежал ровным слоем, но под ним что-то медленно двигалось. Время от времени поверхность вздувалась, словно земля делала вдох.

В конце галереи стояли двери.

Огромные, чёрные, без ручек.

На них были вырезаны имена всех хранителей Дома.

Я нашла имя матери.

ЛИДА ЛАНСКАЯ.

Под ним оставалось свободное место.

Свежая строка уже начинала проступать в камне.

МАРТА ЛАНСКАЯ.

— Я ещё не вошла, — сказала я.

— Дом не любит ждать, — ответила Севра.

— А я не люблю, когда меня записывают без разрешения.

— Придётся привыкнуть.

Кай встал рядом.

Севра вставила ключ в замочную скважину, которой секунду назад не было.

Двери открылись.

Изнутри пахнуло холодом, воском и старой кровью.

Я сделала шаг.

Мир исчез.

Передо мной возникла комната.

Небольшая, светлая, с жёлтыми занавесками.

На кровати сидела молодая женщина.

Моя мать.

Она была беременна.

Я видела её лицо так ясно, словно стояла рядом.

Молодая Лида держала руки на животе и говорила кому-то за пределами комнаты:

— Если это девочка, назову её Мартой.

За дверью ответил мужской голос:

— А если мальчик?

— Тогда пусть сам выбирает.

— Ты правда думаешь, Дом её отпустит?

Мать замолчала.

— Он не узнает.

— Он уже знает.

Воспоминание задрожало.

На стене появилась тень.

Высокая фигура с короной вместо лица.

Мать повернулась к ней.

— Я не отдам ребёнка.

Тень наклонилась.

— Ты уже отдала.

Я отступила.

Комната разлетелась на тысячи осколков.

Перед глазами вспыхнуло окно Реестра.

Добро пожаловать, Марта Ланская.

Статус: **новый хранитель**Срок службы: **40 ночей**

Доступные функции:— просмотр воспоминаний;— извлечение воспоминаний;— сохранение воспоминаний;— передача воспоминаний;

Запрещённая функция обнаружена:— освобождение.

Ниже появилась новая строка.

Первое воспоминание найдено.

Воспоминание принадлежит: Лиде Ланской. Состояние: украдено. Местонахождение: неизвестно.

Я открыла глаза.

Кай стоял передо мной, удерживая меня за плечи.

Слишком близко.

— Марта.

Я услышала его не сразу.

— Где мы?
— В Доме.
— Я видела мать.
— Я знаю.
— Вы были рядом?
— Да.
— Почему вы знали?
Кай не ответил.
Я толкнула его в грудь.
Он отступил на шаг, но не отпустил меня.
— Вы знали, что она здесь была.
— Да.
— Вы знали, что Дом забрал её память.
— Да.
— И молчали?
— Вы бы вошли сюда, если бы я рассказал?
— Нет.
— Поэтому молчал.
Я ударила его ладонью по лицу.
Звук разнёсся по пустому коридору.
Кай повернул голову.
На щеке быстро проступил красный след.
Он не разозлился.
Это было хуже.
Он медленно посмотрел на меня.
— Теперь легче?
— Нет.
— Хорошо.
— Почему хорошо?
— Значит, вы ещё не потратили весь гнев.
— Вы отвратительный человек.
— Возможно.
— И я ненавижу вас.
— Это удобнее, чем доверять.
— Не решайте за меня.
— Тогда не доверяйте.
Он отпустил мои плечи.
На коже остались следы его пальцев.
Я посмотрела на них.
Кай тоже.
Между нами повисла тишина, слишком тесная для пустого коридора.
Где-то в глубине Дома капнула вода.
Или кровь.
— Сорок ночей, — сказала я.
— Сорок.
— Я найду память матери.
— Если Дом не найдёт вас первым.
— Я найду брата.
— Если он ещё жив.

— Я уничтожу это место.
Кай посмотрел на двери, за которыми шевелился холодный, бесконечный Дом.
— Тогда нам придётся работать вместе.
— Мы не работаем вместе.
— Вы только что объявили войну зданию.
— Да.
— А я знаю, как оно убивает.
— Это не делает нас союзниками.
— Нет.
Он снова посмотрел на меня.
— Но делает нас проблемой.
За стенами раздался гул.
Дом проснулся окончательно.
На камне перед нами проступила надпись:
ПЕРВАЯ НОЧЬ НАЧАЛАСЬ.
А под ней — новая строка.
ХРАНИТЕЛЬНИЦА ИМЕЕТ ПРАВО ВЫБРАТЬ ОДНОГО СПУТНИКА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.